

ХИЖИНА

КАК
Я СКОЛОТИЛ
СЕБЕ НОВУЮ
ЖИЗНЬ

ПАТРИК
ХАТЧИСОН

Патрик Хатчинсон Хижина. Как я сколотил себе новую жизнь

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73138618

Хижина. Как я сколотил себе новую жизнь / Патрик Хатчинсон ; [пер.

с англ. А. Мышковской].: Individuum, Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-227096-3

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В свои двадцать пять Патрик Хатчинсон хотел покорять мир, но вместо этого писал рекламные тексты про сантехнику и боролся с постоянным ощущением тоски и бессмысленности. Выход нашелся неожиданно: он купил хижину в горах на северо-западе США, чтобы жить на природе и заниматься ручным трудом. При этом Патрик не имел никаких плотницких навыков, а его новое жильё могло похвастаться разве что дырявой крышей, кривыми полами и армией пауков. За шесть лет, полных абсурдных ошибок и героических побед, Патрик не только сменил офисное кресло на

строительные перчатки, но и научился радоваться мелочам: когда дверь закрывается без пинка, бензопила заводится с первого раза, а носки остаются сухими. «Хижина» – честный и уморительно смешной рассказ о том, что для великого приключения нужны лишь самоирония, надежные друзья и немного решимости.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

1. Нашел!	7
2. Сказано – сделано	24
3. Треск, визг, стук	29
4. Рабочая сходка	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Патрик Хатчисон

Хижина. Как я сколотил себе новую жизнь

Посвящается всем, кто когда-либо бывал в крохотной хижине в тупичке Надежды. Благодаря вам существуют и та хижина, и эта книга.

PATRICK HATCHISON

CABIN

Off the Grid Adventures with a Clueless Craftsman

St. Martin's Press,

New York, 2024

Перевод с английского *Анны Мышковской*

© Patrick Hutchison, 2024

This edition is published by arrangement with Chase Literary

Agency and The Van Lear Agency LLC

© А. Мышковская, перевод с английского, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026 Individuum®

1. Нашел!

Я купил хижину у парня с сайта объявлений за семь с половиной тысяч долларов. Он был капитаном буксира. Его звали Тони.

И вот почему¹.

Мне было двадцать пять или вроде того – самое время пережить кризис четверти жизни (если это, конечно, был он). Люди, окружавшие меня, те, кого я считал друзьями, пошли вразнос и вытворяли страшное: строили карьеру, иногда даже научную, обзаводились мужьями, женами, детьми, собаками и прочими атрибутами достойной жизни. Они разбирались в том, что такое ПФР, ФСС и СФР, или, по крайней мере, догадывались, что о таких вещах стоит начать беспокоиться уже сейчас. Ну а я – я был уверен, что наш уговор как-нибудь пережить годы в колледже (или годы вместо колледжа) и провести вместе всю оставшуюся жизнь, поедая пиццу за просмотром «Симпсонов», все еще в силе. Отличный план, которому никто не последовал. Жаль, запасного у меня не было.

Я жил в Сиэтле и пытался стать писателем. Не сработало. Я поступил в колледж. Маячила идея стать врачом, но вме-

---

¹ Почему я купил хижину, а не почему Тони был капитаном буксира или почему его звали Тони. Полагаю, ему нравилось водить на буксире суда, а его родителям нравилось имя, которое они дали сыну, – кто знает? Разве что сам Тони.

сто этого я набрал курсов по истории и антропологии. Сложно представить себе направление, которое решительнее, чем это, топчет карьерные перспективы выпускников. После колледжа я путешествовал: провел полгода в Патагонии, потом месяц в Колумбии. Я редко задерживался где-то дольше, чем на год. Перебивался случайными заработками: разливал пиво, развозил сэндвичи, рассекал на фургончике с суши. Все эти скитания вкупе с гуманитарным дипломом привели к тому, что я загорелся идеей стать гонзо-журналистом, писать о своих странствиях по миру. Чем-то вроде Хантера С. Томпсона, Пола Теру и Энтони Бурдена², да. Я уже представлял, как на моих глазах самые отбитые персонажи ввязываются в самые безумные истории, лишь бы добавить романтики моим непредсказуемым будням. Оказалось, правда, что зарабатывать на этом непросто. Редакторы, которых я бомбардировал заметками, не проявляли ни капли интереса. Работа была случайной. Оплата – ужасной. Действительность стала постоянной изматывающей битвой без надежды на победу.

Постепенно я отказался от мечты о писательстве – нужно было чем-то оплачивать жилье, страховку и еду, которую не приходится разводить кипятком. Я перестал гоняться за неоплачиваемыми стажировками в крутых журналах и аку-

---

² Хантер С. Томпсон – американский журналист и писатель, основатель жанра гонзо-журналистики, совмещающего репортаж и личные переживания автора. Пол Теру – американский писатель и путешественник, автор известных путевых очерков и романов. Энтони Бурден – шеф-повар, писатель и телеведущий, прославившийся документальными шоу о еде и путешествиях. – Прим. ред.

лой нырнул в океан холодных продаж. Спустя годы после окончания колледжа я, собиравшийся исходить землю, рассказывая истории о восхитительных безумцах, обнаружил себя в офисном кресле – сочиняющим рассылки с рекламой сантехники, в раздумьях, как же я дошел до жизни такой.

Я старался скрывать от окружающих, насколько я растерян: ни цели, ни смысла, сплошное разочарование, как будто во мне что-то угасло. Казалось, все вокруг контролирует ситуацию, держат туз в рукаве, ловят выгоду, планируют на пять, десять лет вперед и дальше. Мой горизонт планирования ограничивался тем, как скоро испортятся остатки китайской еды в холодильнике.

Поначалу я, правда, пытался с этим разобраться, искал цель, чтобы броситься к ней очертя голову. То ли я искал не там, то ли рвения не хватило, но ничего не вышло. Все, что я знал, – это что каждая неделя, каждый месяц, каждый год этой бессмысленной возни делают все только хуже.

Со временем поиск себя выродился в стремление хотя бы создать видимость, что у меня все под контролем: раз не удалось излечиться, купирую симптомы. Нужно было отвлечься на какое-нибудь занятие, создать иллюзию, которую можно поддерживать, пока я не разберусь, какого лешего тут делаю.

Разумеется, существуют общепринятые эталонные достижения, которыми можно прикрыться: научная степень, брак, дети, армия... вроде того. Идея вернуться в колледж вызывала во мне ужас, что сразу ставило крест на смене карьеры.

Чтобы жениться, нужна хорошая компания, чтобы завести ребенка – к сожалению, тоже. В армии, кажется, по-прежнему требовалось бегать строем – так что, пожалуй, нет.

Девушка, с которой я тогда встречался, однажды заявила, что собирается купить дом. Учитывая, что к тому моменту моей самой ответственной покупкой был DVD-плеер со скидкой, я не был готов поддержать разговор. Ее осведомленность в подобных делах заставила меня задуматься, почему она вообще со мной встречается.

Я тогда мало что смыслил в сделках с недвижимостью, и мысли о них меня будоражили. Все эти звонки, просмотры, переписки и всякие банковские штуки... Каждый этап процедуры казался до ужаса важным. Вдруг до меня дошло, что покупка дома могла бы стать решением. Две недели кряду я отвечал каждому, кто готов был спрашивать, как мои дела, что «я подумываю купить дом», и балдел от этого, но радость была недолгой. Оказалось, что хоть я и могу позволить себе дом, но совсем не в тех местах, которые хоть сколько-нибудь мне знакомы. Стоял 2012 год, цены на недвижимость в Сиэтле и окрестностях были ниже, чем когда-либо за последние десять лет, – одним словом, лучшее время вложиться. Но для меня и это было слишком дорого.

Есть жизнь и за пределами Сиэтла. Сидя у монитора, я все дальше и дальше прокручивал карту, пока не находил варианты в рамках своих «финансовых возможностей». Варианты эти были далеко от города, от его суеты и ярких огней.

Они притулились среди пашен и речных долин, и еще дальше, у подножия Каскадных гор. Многие и домами-то назвать сложно – это были скорее хижины, избушки.

Вообще-то, я и сам вырос в лесу – часах в полутора езды к югу от Сиэтла. Мое детство прошло среди пихт и тсуг, папоротников и кустов ежевики, я провел его на пару с нашим псом Мадом: этот шоколадный лабрадор был большим любителем таких деликатесов, как палки и оленье дерьмо. Долгие летние дни мы вместе с друзьями, позаимствовав отцовские ржавые инструменты, строили дома на деревьях. Закончив, забивались внутрь и сидели там часами, обмениваясь грязными словечками, рыгая и поглощая чипсы и теплую газировку. Ностальгия по тем временам охватила меня, пока я листал снимки домиков на сайте с недвижимостью. Я все еще скучал по лесу, несмотря на то что частенько выбирался в летние походы. Конечно, что-то вроде дачи могло бы стать атрибутом достойной жизни, который я искал, но когда мне повстречались эти лачужки, желание обладать жилплощадью помножилось на мечту снова испытать это волшебное чувство, когда ты делишь уют с друзьями в окружении деревьев и, может, время от времени кто-то из вас машет топором.

Как бы то ни было, имелась проблема. Хоть такие хижины и были мне по карману, я не мог позволить себе одновременно еще и место для жизни в городе. Сбежать в лесное логово мне хотелось. Стать отшельником на полную ставку

– все-таки нет. Но я продолжал искать, разглядывая деревянные конструкции в заснеженных горах и пуская слюни на миленькие домики у рек и озер. Уже на автомате я доставал ноутбук или телефон – едва открыв глаза, в перерывах на работе и ночами, когда не мог уснуть. Так продолжалось месяцами.

До той самой сентябрьской ночи в 2013-м. Я проверял на сайте, где люди продают и покупают все подряд, не выставлена ли на продажу вещь, которую недавно выкрали из нашего дома. Не добившись успеха, я вернулся к строке поиска и по наитию вбил слово «хижина». Нажал *enter*. Я ощущал азарт пятиклассника, который гуглит «сиськи». Эффект был точно такой же.

Мой взгляд зацепился за верхний результат: «Крохотная хижина в Индексе».

Я знал это место. Скорее поселок, чем город, Индекс стоял среди убийственно красивых гор и обладал тремя точками притяжения: занюханной лавкой, ассортимент которой – серые от пыли банки с бобами и устаревшее походное снаряжение, – кажется, никогда не менялся, небольшое кафе с неоновой вывеской «Открыто», которое всегда закрыто, и агентство, организующее сплавы на рафтах по реке Скайкомиш. Кроме того, там были пожарная часть, где работали добровольцы, горстка домишек, школа и ветхая гостиница: какими бы грандиозными ни были планы владельцев, сменяющихся один за другим десятки лет, она всегда пустовала. Я

бывал в Индексе – ненадолго задерживался перед походом, пользуясь шансом дешево закупиться пивом и льдом перед тем, как уйти дальше в горы.

Но мое внимание привлекло не знакомое название, а цена и фотографии: примитивный крошечный домишко на фоне покрытых мхом деревьев. Честно говоря, он больше походил на курятник: метра три на три с половиной. Я знал людей, у которых сараи были больше. Что касается конструкции, то неизвестный зодчий явно вдохновлялся рисунками дошколят: дом-квадратик, на нем крыша-треугольник. Земля вокруг хижины казалась ярко-зеленой – так она заросла папоротником – с редкими алыми и золотыми кляксами: первые дни осени окрасили и проредили кроны крепких кленов, склонившихся над участком. Запрятанная в лесной глуши лачужка так и ждала, чтобы кто-то устроился в ней поуютнее, разжег огонь, сделал хороший глоток виски и замер, ощущая вращение земного шара под ногами. Стоило это удовольствие как подержанный «Хёндэ» – 7500 долларов.

Недолго думая, я написал владельцу как можно более беззаботно и совсем не взволнованно, чтобы уточнить детали и доступное для просмотра время. На следующий день пришел ответ в столь же будничном тоне: *«Да, без проблем. Ключ над дверью. Четвертый участок по левой стороне тупика Надежды»*.

Владельца звали Тони, судьба дома волновала его не больше, чем глобальное потепление – собаку. Я сообщил, что,

может, загляну, если найду время. Ему не обязательно было знать, что уже через двадцать минут я, ерзая от нетерпения, мчался на северо-восток, стараясь успеть покинуть границы Сиэтла до того, как трассу забьют трудяги, едущие с работы. К трем часам дня я вырулил на Вторую магистраль – двухполосное шоссе, ведущее с запада на восток вдоль Скайкомиш, от Каскадных гор к заливу Пьюджет-Саунд.

Зимой здесь всегда пробки: желающие прокатиться по свежему снегу лыжники едут на курорт у перевала Стивенс. Летом тоже заторы: походники спешат вырваться на выходные из мирской суеты. Кроме того, в любой сезон здесь не прекращается движение из Сиэтла в Ливенворт – когда-то безумно красивый городок в горах, сейчас перестроенный в нелепое подобие баварской деревушки, где можно угоститься пивом и брецелями с конской наценкой. Никак не пойму, почему это место стало таким популярным.

Я ехал все дальше на восток, и пейзаж стремительно менялся: сетевые кафе и шумные перекрестки уступили место одноэтажной застройке, а та – холмистым пашням. Вот и пенсионеры в резиновых сапогах до колен забрасывают удочки: это спустя час шоссе подошло к берегу Скайкомиш. Я проехал Салтэн, Стартап и Голдбар – троицу городишек, которые было легко спутать между собой. С прошлых поездок я помнил, что в Салтэне есть местечко, где неприлично дешево можно взять коричную булку размером с колесо и большой кофе, что в Стартап можно заехать за вкуснейшим

молочным коктейлем и картошкой и что клуб «Старатель» в Голдбаре по четным числам превращается в безумные ясли из-за караоке-вечеров для детей.

Я воображал, как буду жить, заглядывая за чем-нибудь к людям, которые держат небольшое семейное дельце. Покупать гвозди на развес в скобяной лавке – как мой отец, когда я был маленьким. Заныривать в крошечное – всего комнатка – отделение почты, чтобы разослать письма семье и друзьям, если решу задержаться здесь подольше. Проезжая рафтинговую базу, из тех, что возят туристов вверх по реке на дряхлых катерах, я впился взглядом в табличку «Новый сезон! Набираем инструкторов! Всему научим!» и, конечно, сразу представил себя сезонным инструктором по рафтингу. Я еще даже не осмотрел хижину, а уже выстроил вокруг нее всю свою новую жизнь.

За Голдбаром следовал Индекс, однако не сразу – у него еще было что-то вроде прелюдии. На ту пару миль, что их разделяли, дорога сузилась. Пропали фермы и жилые дома – ни квартирки, ни комнатки. Вокруг – ничего, только густая чаща пихт и кедров. Голдбар заканчивался длинным мостом через Скайкомиш, которая здесь уже не была такой широкой и спокойной. Она завораживающе синела под солнцем, переливаясь от глубокого кобальта к бирюзе, и разбивалась в белоснежную пену на гранитных порогах размером с фургон. Дальше дорога запетляла, вторя течению реки. На каждом повороте мелькали склоны горы Индекс, чей пик – вы-

сотой почти две тысячи метров! – нависал над лесом.

Вторая магистраль очень опасна. Насколько я знаю, это единственная трасса в штате Вашингтон, где установлена табличка, отсчитывающая дни без аварий со смертельным исходом. За десять лет, что я здесь езжу, ни разу не видел на ней число больше двадцати пяти. Табличка стояла прямо у выезда из Индекса, и мне иногда казалось, что причина аварий не в гололеде и не в неразумном скоростном режиме (почти сто километров в час по скользкой горной дороге), а в завораживающей красоте этих мест. Подъезжая к городку, я инстинктивно подался вперед, облокотившись на руль, – лишь бы чуточку лучше рассмотреть гранитные склоны. Здешние горы будто обладали силой, притягивающей к себе людей прямо сквозь лобовое стекло.

Я не просто ехал по лесу, а погружался в него, и это было ужасно приятно. Воображение рисовало прелестные коттеджи и хижины, гармонично вписанные в окружающий ландшафт. Я даже заметил людей, рубивших дрова на зиму, – или мне показалось? Может, где-то совсем рядом отец с сыном ловят форель в спокойной заводи или кто-то прогуливается с собакой, наслаждаясь прекрасным осенним днем.

Оставалось проехать всего ничего. Я свернул с шоссе направо, под колесами захрустел гравий, и моя душа запела. Я медленно проехал по грунтовке, петляющей вдоль реки. Самодельная арка на невысоком холме приглашала меня в «Риверсайт у горы Индекс».

За крутым поворотом дорога шла резко вниз, и я ударил по тормозам. Едва не столкнулся с чудищем: гигантским водопадом, изрыгаемым длинным узким каньоном, – ожившей сценой из Священного Писания. Позже я выяснил, что водопад Сансет-Фоллс падает с высоты всего тридцать два с небольшим метра, зато течет через уступ длиной с целое футбольное поле. Знаете, есть некое изящество в водопадах, в том, как вода срывается со скалы и, ничем не удерживаемая, летит вниз. Так вот, в Сансет-Фоллс не было ничего изящного. Это была чертова бойня, клокочущая водяная цитадель, возведенная не иначе как самим Посейдоном. Я опустил стекло и медленно двинулся по дороге, огибающей образованный водопадом бассейн. Водяная пыль влетала в салон и оседала на приборной панели. Она пахла кедром.

За водопадом дорога резко сворачивала на старый деревянный мост, проложенный над железной дорогой. Кажется, я почти на месте. Тони писал, что тупик Надежды сразу за мостом, но я не видел похожих названий. Вскоре я усомнился и в направлении, и в том, хочу ли я вообще тут оставаться.

До сих пор мне встречались просто нелепые строения да редкие хижины – ничего особенного. Потом началось что-то загадочное: то заросшие ежевикой груды ржавых запчастей у обочины и увязшие в грязи остатки машин, которыми не пользовались десятилетиями. За поворотом открылась поляна с обугленными остовами фургонов. В ветках запутались обрывки полицейской ленты. Единственным объясне-

нием этому было, что кто-то успешно варил здесь мет, пока не прогорел.

Яркими и новенькими выглядели только таблички «ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН», беспорядочно прилепленные к деревьям, остаткам оград и разбросанным железкам. Сложно сказать, что пугало сильнее: опасности, поджидающие за этими табличками, или люди, которых эти опасности могли бы привлечь.

Потом я узнал, что поселок Риверсайт состоит из пары сотен участков, в основном небольших, меньше половины акра. Возможно, когда-то здесь было пасторальное местечко, куда люди приезжали отдохнуть среди гор, но однажды здесь поселился Дядюшка Мет и натворил делов. Теперь в поселке осталось два типа построек: заваленные мусором наркоприюты и все остальное. Судя по неуклюже оформленным лужайкам, «все остальное» принадлежало престарелым пенсионерам и безумным лыжникам. Я проехал до конца дороги и, сделав круг, вернулся назад. Ни один из виденных мной указателей не содержал слов «тупик Надежды». Я заглянул в телефон, который был вне зоны с момента съезда с шоссе, и перепроверил маршрут – никаких зацепок. Никто меня не встречал, стучаться в двери здешних хибар тоже не хотелось. Выход был один: вернуться и попросить Тони объяснить дорогу чуть конкретнее, ну или вовсе плюнуть на эту затею.

На обратном пути я увидел остатки прежде не замеченного мной зеленого указателя – он накренился и врос в ствол

клена. Можно было разобрать буквы: «...ежды». Все остальные были замурованы в коре, которой обросла табличка, остававшаяся в таком положении не один десяток лет. Еще немного – и клен довершит процесс переименования улочки, поглотив все буквы. Понадеявшись, что имеется в виду действительно тупик Надежды, а не какой-нибудь там конец Невежды, я на автомате включил поворотник (для кого?) и свернул влево, высматривая четвертую по порядку постройку: считать ли школьный автобус на углу, если он покрыт граффити и зарос сорняками?

Тупик Надежды круто поднимался на холм. Полоса забросек доходила и сюда, но все же чувствовалось легкое различие. Здешние домики были крохотными хижинами, в большинстве своем самыми примитивными, сколоченными скорее приехавшими на выходные энтузиастами, нежели приглашенными строителями. Они напоминали образцы срубов на продажу, которыми обычно усеяны парковки у «Хоум Депо» или «Костко», но казались душевнее: то тут, то там из кедровой черепицы высовывается труба, подмигивают разноцветные витражные окошки, а со стоптанного порога открывается вид на реку и горы. По заросшим въездам и канавам было понятно, что заезжают сюда нечасто, но эти домики все равно казались обжитыми. Не укрытия беженцев и не бараки – скорее лесные приюты, куда любят время от времени вернуться, хотя на первый взгляд по ним и не скажешь.

Я перевалил через вершину холма и обнаружил третью

хижину. Сразу за ней, чуть левее, виднелась крыша из гофрированного железа, венчавшая крошечный домишко, в покрывале из высохшего мха и красных кленовых листьев. Я припарковался посередине дороги у чего-то, отдаленно напоминающего въезд, – слегка подсохшей ямы с грязью и кустами морошки по краям. Заглушив мотор, я выбрался из машины и двинулся к своей цели.

Предвкушение часто недооценивают. Это момент, когда открыты все возможности и остается надеяться, что сбудется лучшая из них. Для меня предвкушение часто оказывалось ярче самого события, будь то путешествие или первое свидание. Я стоял, смакуя образы грядущих выходных с друзьями, прохладных осенних дней, когда жжешь старые листья на лужайке, и долгих летних ночей на речке; камина зимой, сугробов, оленей, медведей, пива, дыма, огня, дров, пота, слез и смеха. Целая жизнь успела пронестись перед моими глазами, а я ведь даже еще не зашел внутрь. Я проверил телефон, который, как оказалось, сам себя перевел в экстренный режим, – видимо, на случай прохладного приема. Но зона, где хотелось вызвать 911, осталась у подножия холма: здесь было довольно мило, так что я убрал телефон в карман и по куче поломанных досок, предприимчиво превращенных в переправу, пересек болото между дорогой и хижинной.

На деле хижина оказалась больше. Крыша с крутыми скатами проржавела, но выглядела крепкой. Часть стен была отделана аккуратно уложенными кедовыми планками, часть –

дешевыми фасадными панелями с узором, который неумело имитировал фактуру настоящего дерева. Окна выглядели почти новыми, но в остальном хижина была собранием случайных деталей. Спереди проглядывал каркас здания, будто ждущий облицовки, временной заменой которой служили листы ветхой фанеры. На небольшом выступе над единственной дверью, за толстым слоем паутины я нащупал ключ. Любопытно, что на двери был не дешевый замок, а два тяжелых засова. Ключ легко справился с обоими, и дверь приотворилась, но не распахнулась.

Преодолев где-то треть пути, нижний край застрял, демонстрируя, что что-то перекошено: либо дверь, либо пол, либо и то и другое. В хижине пахло хорошим виски – влажной землей и подгнившим деревом, – не лучшее открытие для того, кто надеется, что внутри будет сухо. Несмотря на три окна, света было мало. Пол застелен грязной фанерой, в углу – обрывок еще более грязного линолеума. На стены хаотично приколочены кедровые доски, однажды покрашенные в тот оттенок розового, что в строительных магазинах назывался бы «слабый марганец с сероватым отливом». Там, где не было досок, проглядывал каркас, с которого свисали куски розового утеплителя.

Между двумя окнами стоял небольшой шкаф, который я не рискнул открыть, опасаясь встречи с невиданным лесным чудищем. Грубо сколоченная стремянка у противоположной стены вела на тесный мрачный чердак, где пол так же неряш-

ливо был застелен фанерой, приколоченной нетвердым строем ржавых, забитых наполовину гвоздей. На противоположной стене мерцало окно, но я не настолько верил в силу своей прививки от столбняка, чтобы ползти к нему на карачках и проверять, открывается ли оно.

Спустившись на первый этаж, я попытался наметить, что можно поправить, а что придется полностью переделывать. Новый пол, новое покрытие стен, и выровнять либо дверь, либо пол, либо и то и другое. Разобраться с крыльцом, сообразить сортир и засыпать болото на въезде. Работы выше крыши. Честно говоря, это место было мрачной, мерзкой, гнусной дырой. Повсюду шныряли пауки: они бегали, как напуганная массовка на съемках «Годзиллы». В таких местах хочется, чтобы у твоих ботинок были свои ботинки. Здесь отсутствовали свет, вода, проводка, канализация, уборная, вайфай – даже связь не ловила. Если считать силу тяжести и дождевую воду, общее число удобств составило бы два. Это была деревянная коробка с дверью и крышей. Я был от нее в восторге.

Словно новый опекун страшенького младенца, я искал изъяны, но видел только то, что хотел видеть. Недели спустя я обнаружу дыры в полу и в стенах, зато не найду ни единого прямого угла. Одна потолочная балка сгнила, открыв путь общительным соседям – москитам. Тогда я ничего этого не видел, не обращал внимания ни на текущую крышу, ни на явные следы мышей, проигнорировал болото на въез-

де и лепрозорий на чердаке, а на сгнившую облицовку с гнутыми гвоздями попросту закрыл глаза. Вместо этого я видел лица друзей, румяные после долгой прогулки в снегоступах. Видел ботинки, сохнувшие возле печки, и кастрюлю супа, дымящуюся на плите. Видел лето и машину, полную новеньких досок и рабочих инструментов. Я видел возможности и ту версию себя, которая способна сделать будущее лучше. Не совершенным, но уж точно лучше. Но что важнее всего, впервые за долгое время я почувствовал приближение чего-то большего: передо мной открывалась новая дорога, полная открытий и захватывающих приключений. Я мог купить хижину и привести ее в порядок. Так почему бы этим не заняться?

Я закрыл дверь, положил ключ на место, и чувство предвкушения с новой силой поднялось во мне, унося далеко от притонов и захламленных дворов. Вместо них я видел водопад, деревья и горы, я принимал это всё и прикидывал, сколько может стоить циркулярная пила.

2. Сказано – сделано

Обратная поездка меня слегка отрезвила. Я лавировал в потоке машин и, смакуя идею стать крутым-мачо-который-чинит-хижины, вынужден был признать, что имеются небольшие затруднения. Например, я не знал, как чинить дома. То есть я запросто мог повесить картину или собрать стеллаж из «Икеи», но пилу в руках не держал с далекого детства, когда мы строили дома на деревьях, веря, что они держатся на смоле. Более того, я не мог грамотно оценить состояние постройки. То ли она собиралась рассыпаться в труху, то ли просто оказалась жертвой бесчисленных переделок – без опыта я не мог этого понять.

Волновало меня не только состояние хижины. Ее жутковатое окружение тоже не лучилось гостеприимством. Хибы в тупике Надежды безусловно обладали очарованием полураспада, но их заброшенность вызывала беспокойство. Было ясно, что их хозяева, как и я, мечтали об уютном лесном пристанище, но их мечты, очевидно, не сбылись. Я подозревал, что на то имелись причины.

Мне также пришлось признать, что я несколько отошел от первоначальной идеи собственного жилья, идеи, отчасти порожденной стремлением показать, что у меня все под контролем, доказать другим или хотя бы себе, что моя жизнь – нечто большее, чем сочинение рекламных рассылок. Было

глупо думать, что эта протекающая покрытая мхом будка в лесу станет той самой вехой, которая делает меня настоящим взрослым. Но все равно казалось, что я на верном пути. Вернувшись, я решил не торопиться. Возьму пару дней на подумать, предложу тысяч пять долларов и точно не отдам больше шести. Я немедленно схватил телефон и набрал номер Тони. Он поднял трубку после второго гудка.

Мы обменялись любезностями, и я попросил рассказать подробнее об участке. История была нехитрая: Тони работал на буксире в Сиэтле и мечтал о домике в горах. Хижину купил на районном аукционе недвижимости, не подлежащей налогообложению. Думал, будет приезжать на выходные, делать ремонт, как будет время. Но времени не было. Заказов в буксирной компании было много, положенных дополнительных выходных Тони не получал, так что решил передать так и не начатое дело кому-то другому. Кроме того, поведал он, его приятель купил домик ниже по шоссе: он не требовал ремонта, был просторнее и – невероятно! – куда приятнее. В общем, столкнувшись с необходимостью что-то делать, он все это забросил.

– Что ж, – сказал я, переходя к делу, – похоже, хижина и правда требует больших вложений. Я, пожалуй, подумаю пару дней и решу, готов ли на сделку.

– Ну, еще несколько человек собирались ее купить, я дам им знать, что она досту...

– Ладно, беру, – оборвал я его.

– Окей, я соберу документы. Сможете приехать завтра вечером, чтобы все подписать?

– Да.

– Хорошо, я дам адрес. Нам нужен нотариус.

– Звучит отлично, – ответил я, лихорадочно гугля, что такое нотариус.

Все это происходило взаправду. Какой ужас!

Переход к оформлению документов вскрыл мою главную проблему с покупкой недвижимости: честно говоря, у меня не было этих семи с половиной тысяч. Но я был уверен, что взять ипотеку не составит труда, – не такая большая это сумма.

Скупой платит дважды. Ипотечных брокеров, с которыми я встречался, от вида хижины разбирал смех. Они реагировали так, будто я просил деньги на постройку машины времени из хлебных корочек. Встречи были краткими: тут нет места для конструктивного разговора, говорили они. Когда список банков подошел к концу, я прибегнул к экстренному плану: позвонил маме. Она, конечно, так и ждала делового звонка от сына. Но, к ее чести, мама выслушала мои аргументы, то есть многократное «пожалуйста» и обещание вернуть деньги с ббольшими процентами, чем начислял банк. В конце концов она согласилась одолжить мне денег, хотя предпочла бы, чтобы я потратил их на что-то более стоящее вроде второго высшего образования, а не на кособокий кукольный домик для неприкаянного миллениала.

Обеспечив фонд, я вернулся к самой транзакции.

Немного почитав про сделки с недвижимостью, я выяснил, что грамотно выстроенная сделка подразумевает миллион разных мер безопасности: и оценки, и проверки, и самые разные страховые компании, созданные, чтобы уберечь человека от бездумных вложений. Но все это касалось тех, кто покупает настоящие дома за большие деньги, а не грошовую лесную берлогу без единой розетки. Нанимать профессионалов в моем случае казалось нелепым излишеством, так что при сделке присутствовали только я, Тони и призрачная вера в человеческую порядочность. Тони предложил провести все без посредников, а я охотно согласился: обойдемся без лишних трат. Я представлял себе нашу встречу как сцену из старого вестерна, где убеленный сединами ковбой бросает на барную стойку пару монет, ставит подпись на клочке бумаги, опрокидывает стакан виски и выходит из салуна уже домовладельцем. Я оказался недалеко от истины, разве что вместо салуна было отделение банка, виски мне не предложили, а роль прожженного бармена сыграл прыщавый юнец в форменной кепке.

Тони выглядел точь-в-точь так, как представляешь себе капитана буксира: среднего роста, в потрепанной бейсболке, заляпанном краской свитшоте и плотных хлопковых брюках. Он казался достаточно сильным, чтобы таскать за собой суда на буксире, управляя одной только весельной лодкой. Он встретил меня улыбкой и сокрушительным рукопожатием.

Мы обменялись приветствиями, и Тони вытащил нужные бумаги. Банковский служащий заверил их и поставил печать, я передал Тони чек на семь с половиной тысяч долларов, и, в общем-то, все. Процедура не заняла и пяти минут. Тони получил все мои деньги, а я – листок бумаги.

Уже когда мы прощались, я спросил:

– О, может, мне нужно знать что-то еще о соседях?

Потихоньку отступая, он бросил:

– Э-э-э, да нет. Бывает шумновато, но я бы не обращал внимания. Один мужик по соседству считает, что ему принадлежит доля этой хижины, но ничего такого страшного.

Он махнул рукой, показывая, что обсуждать тут нечего. И растворился в толпе прохожих. Понимая, что меня только что развели, я принялся размышлять, какие инструменты следует купить в первую очередь.

3. Треск, визг, стук

Для человека, нередко воображавшего, как однажды он что-нибудь да построит, инструментов у меня было мало. То немного, что я имел, досталось мне либо из-за работы, либо случайно. В колледже я работал «водителем» в сетевом фастфуде. «Водителем» – потому что я, как любой тамошний курьер, ночами развозил на велосипеде сэндвичи пьяным детишкам в общежитиях. С той работы у меня остались пара замечательных друзей и коллекция гаечных ключей и инструментов для замены покрышек, бесполезных в починке чего угодно, кроме велосипеда. Тем не менее я добавил их к вещам в углу моей комнаты, где лежало все, что могло пригодиться для хижины. Я также раздобыл старый молоток, рулетку, тупую ручную пилу, которая, как я был уверен, предназначалась только для работы по металлу, и набор отверток, среди которых не было ни одной крестовой. Там же лежал и единственный серьезный инструмент, который у меня был, – электрическая дрель, одолженная у брата, хотя она обладала только символическим значением, ведь ближайшая к хижине розетка находилась на расстоянии полукилометра.

До сих пор я пользовался этой дрелью лишь однажды. Я задумал просверлить небольшое отверстие под скромный крючок, но недооценил ее мощность. Сверло, а за ним и са-

ма дрель ушли в стену, будто чувак из рекламы Kool-aid, когда он вваливается в комнату. Мне потребовалось несколько попыток, чтобы научиться делать отверстия меньше, пока, наконец, не вышло то, что нужно. Хорошо, что картина была достаточно большой, чтобы все это прикрыть. Как гордый, хотя и бестолковый, обладатель хижины, нуждающейся в ремонте, я все-таки понимал, что мне нужны новые инструменты. В первую очередь – дрель с аккумулятором, которую я мог бы взять с собой в лес и использовать, так сказать, в автономном режиме. Поиск дрели оказался куда более сложной процедурой, чем я воображал: их словно специально напридумывали столько, что можно было спятить.

Как-то вечером, когда мой сосед Инди бросал на сковородку толстенные замороженные котлеты, я поделился с ним своими горестями.

– Везде ищу, но подходящие стоят от двухсот пятидесяти до четырехсот долларов. Мне нужны беспроводные дрель и циркулярная пила, и это бы еще ничего, но они обязательно должны быть одного бренда, чтобы аккумулятор подходил к обеим. Вот что я понял, – сказал я Инди, меряя шагами кухню.

– Ага...

Инди явно горел желанием помочь. Кухню резко затянуло дымом, так что я открыл дверь на улицу и продолжал объяснять, открывая и закрывая ее, чтобы дым уходил быстрее.

– Но по какой-то гребаной причине производитель не пы-

тается предложить: «Вот набор из дрели и аккумулятора. Или вот набор: дрель и пила. А вот просто дрель». Нет, это обязательно «комплект из двух дрелей и двух аккумуляторов». И ты даже не понимаешь, для чего нужна вторая. Конечно, стоит всего на двадцать долларов дороже, но кто захочет переплачивать за дрель, которую бог знает как использовать?

(Наверно, кто-то знал, как использовать ту вторую дрель, но точно не я.)

– Ну вот! Еще нужна пила, а в пилах аккумуляторы обычно больше, чем в дрелях. В Home Depot нет наборов, предлагающих пилу и аккумулятор. Пила отдельно, аккумулятор отдельно – и за бешеные деньги, так что я решил взять комплект, в котором есть *вообще все*. В него входят еще фонарик и чехол, которые мне не нужны, но это неважно, потому что такого набора, оказывается, давно нет в наличии. Мало того, я застрял в магазине, выбирая из трех разных фирм, с консультантом, которому пятьдесят четыре, он отец четверых детей и дед семерых внуков, и торгует инструментами уже тридцать лет, и он утверждает, что ему можно верить, ведь «эту чепуху из Милуоки постоянно приносят на возврат». И вот этот мужик, Пол, говорит: мол, сейчас у них офигеть какие скидки на пилы от Bosh. Я отвечаю: «Здорово, Пол, где же они?» А он: «В интернет-магазине». И я снова откатываюсь к пункту один, потому что нужно брать все одного бренда, чтобы аккумуляторы подходили, понимаешь?

Инди улыбался: может, ему нравилось наблюдать, как я бешусь, а может, он не хотел еще больше распалять человека, который и так явно слетает с катушек. Сказав «Ладно, все готово», он выключил плиту и разложил котлеты по тарелкам. Дым почти рассеялся, и я запоздало отметил, что пожарная сигнализация не сработала и хорошо бы заменить батарейки в датчиках, если они там вообще есть. Я закрыл дверь, взял банку пива из холодильника и сел к столу. Инди сдвинул в сторону накопившиеся за неделю письма, подтолкнул ко мне тарелку, и мы приступили каждый к своей горе котлет – без гарнира, просто так.

Схватив котлету и щедро полив горчицей булочку, я продолжил:

– Я вчера полтора часа убил в этом Home Depot и ушел только потому, что они закрывались. Чтобы не подумали, что я чокнутый, мне пришлось купить первую попавшуюся дрель. Теперь у меня вся комната завалена инструментами, которые я боюсь открывать, потому что иначе их не вернуть. А чтобы вернуть, – тараторил я, роняя изо рта крошки, – придется ехать в филиал на севере Сиэтла, чтобы не позориться перед Полом, возвращая Bosh. Так что придется заново разбираться в вещах, в которых я ничего не понимаю. У меня открыто восемнадцать разных вкладок в браузере и таблицы в «экселе», где я сравниваю частоту ударов разных дрелей, не имея ни малейшего представления, что мне это даст, а еще куча схем и инструкций, так что и подумать

страшно.

– Почему бы тебе все это не вернуть и не поискать что-то в «Маклендонс»? – мирно поинтересовался Инди.

– Чувак, да там про Bosh и не слышали, – парировал я, вздыхая с напускной самоуверенностью человека, который только вчера узнал, что: 1) существует фирма Bosh, 2) и она производит инструменты, 3) которые считаются хорошими, 4) но не продаются в «Маклендонс» и 5) что «Маклендонс» – это строительный магазин.

– Неужели свет клином на этом «Боше» сошелся? – спросил Инди.

– Пол говорит, это лучшее вложение. У него, знаешь, такой вайб бейсбольного тренера. Он как-то подавляет меня. Но вообще про Bosh говорят много хорошего. Если бы удалось найти у Bosh дрель, пилу и четыре аккумулятора на восемнадцать долларов дороже, чем я отдал за дрель, пилу и только два аккумулятора от «Макиты», я был бы счастлив.

– «Макиты»? А что не так с «Девольтом»? – Инди свалил в раковину тарелки и наконец-то немного оживился.

– Чувак, – усмехнулся я, давая понять, как он отстал от жизни, – «Девольт» – это для сантехников. Понимаешь? Ну, так, по крайней мере, считает Пол. Еще он считает, что мне нужно уволиться. И что я вообще напридумывал себе проблем.

Мы закончили с посудой, я взял еще пива и пошел к себе – разбираться с дрелями. Идеального варианта не существо-

вало, но пора было что-то решать, так что я пошел на компромисс: купил набор дрелей, чтобы аккумуляторов хватало на выходные, циркулярную пилу, как будто подходящую под самые разные задачи, и пилу сабельную – судя по роликам умельцев в интернете, она была столь же разрушительна, сколь и опасна, и отлично подходила для разного рода сносов и разрушений.

Получив инструменты, я отнес их в свою комнату и прикрыл за собой дверь. Я осторожно доставал каждый, вертел в руках, оценивая его приятную тяжесть, и любовался бесчисленными циферками, переключателями и кнопками. Я изучил инструкции и поиграл с настройками. Должно быть, из коридора можно было слышать шуршание разворачиваемой упаковки да прерывистое жужжание электродвигателей. Остаток вечера я учился держать инструменты в руках. Менял сверла в дрелях, настраивал глубину пропила в пиле, пока не счел ее оптимальной. В какой-то момент я так расхрабрился, что просверлил несколько отверстий в дальней стенке шкафа – там, где хозяин дома их не заметит.

Ложась спать, я аж светился от предвкушения. Такое чувство бывает в детстве перед Рождеством: завтра тебя ждут новые игрушки, а в будущем – много-много счастливых дней. Еще пару месяцев назад я так легко поддавался беспокойству по ночам, раздумывал, не бросить ли мне работу и не поискать ли что-то другое, может быть, заняться спортом, попробовать новое хобби. Ночами я погружался в самоко-

пание, раздумывал, на что я трачу свое время: доведется ли мне в будущем гордиться собой или останется только раскисать за впустую растроченное время. Я постоянно боялся, что кто-нибудь спросит «Чем увлекаешься?» и мне нечего будет ответить – страшнее всего было бы услышать этот вопрос от человека, которого я видел в зеркале. Но теперь, пусть хижина и служила только прикрытием, мне было что ответить.

Подбор инструментов занял меня на несколько недель. Я еще даже не приступил к самой стройке, но уже избавился от чувства неприкаянности, тяготившего меня долгие годы. Все только начиналось, а я уже был готов с головой погрузиться в нечто, что дает столь приятное облегчение.

Нужно было еще кое-что на первое время, в придачу к пилам и дрелям: на случай, если и когда аккумуляторы сядут, я обзавелся маленьким бензиновым генератором от «Хонды» – купил его у одной милой женщины с сайта объявлений. Она пользовалась им, когда выбиралась на музыкальные фестивали с ночевкой. Я представил, через какие круги ада прошел этот моторчик, но цена была приятная, да и завелся он ровно в тот момент, когда я для проверки повернул ключ зажигания. Генератор стал последней крупной покупкой, но я никак не мог удержаться от визитов в строительный магазин по пути на работу – и вот, спустя несколько недель после сделки с Тони, я уже владел уровнем, парой крепких кожаных перчаток, классной супердлинной рулеткой, кото-

рая сворачивалась с мощным хлопком, а еще берушами и защитными очками, которые наверняка ни разу не надены, потому что их так легко надеть неправильно. Что ж, будем играть в жмурки – у меня это получается неплохо.

4. Рабочая сходка

Будильник зазвонил в шесть утра; стояла середина октября, и было еще темно. Слабый свет из молочного комбината через дорогу заливал комнату бледно-зеленым. Видна была только мешанина кленовых листьев за окном.

Будильник мне был ни к чему. Я уже несколько часов не мог сомкнуть глаз, мысленно составляя списки. Восемнадцать листов тонкой фанеры – на стены. Шестнадцать кедровых досок потолще – для отделки окон и двери. Двадцать восемь квадратных метров кедровой доски для крыльца — хватит ли? Может, нужно было брать сорок?

Я купил хижину месяц назад и с тех пор навещал ее дважды. В первый раз – когда показывал покупку брату. Он оглядел ее так подозрительно, как умеет только родня: его лицо выражало сложную смесь притворного интереса, озабоченности и искреннего ужаса, особенно когда под ногами у него зашатался остов того, что, как я уверял, вот-вот превратится в очаровательное крылечко.

В другой раз я приехал, чтобы все обмерить, и прилежно записал размеры окон, стен и пола. Я купил чертежную бумагу и тщательно все зарисовал, чтобы было проще проектировать крыльцо и будущий въезд, который сейчас представлял собой зыбучую яму с лесной жижей, присыпанную гнилыми досками и гнутыми гвоздями.

Приближалась зима, и оставалось все меньше времени на самые важные переделки в хижине, которые обеспечили бы минимальный уровень комфорта на случай холода, снега и дождя. Список задач был длинноват для обычных двухдневных выходных; выпрыгивая из кровати и натягивая старые джинсы, я в сотый раз повторил его про себя.

Крыльцо на тот момент выглядело как голый каркас, и добраться до двери мог бы только настоящий акробат. Я планировал обшить крыльцо кедровыми досками, купив их на распродаже стройматериалов в двадцати минутах на запад от хижины. Также меня беспокоила дверь, по непонятной причине застревавшая на середине пути. Я не понимал, в чем проблема: то ли это пол наклонен так, что хоть в пинбол играй, то ли изъян был в самой двери. Для себя я сформулировал эту задачу лаконично: «Починить дверь». Болото на въезде, достаточно большое, чтобы припарковать две машины одну за другой, засыпем гравием. Я уже созвонился с местным продавцом, который бодро согласился привезти мне необходимую щебенку чуть позже утром.

Внутри хижины дела обстояли не лучше: тот, кто приколачивал к стенам кедровые доски, отличался аккуратностью маньяка, вырезающего из газет буквы для составления письма. Доски я собирался отодрать и заменить самой дешевой фанерой, какую удалось найти. На пол ляжет бюджетный ламинат, не особенно убедительно имитирующий фактуру дерева. Не удивительно, что множество материалов в рамках

моего бюджета не особенно убедительно имитировали фактуру дерева.

И, наконец, над уже имеющейся ямой на участке мы построим уборную. «Мы» – потому что, храня в памяти все дома на деревьях из моего детства, я с самого начала твердо знал: эта хижина – не для меня одного. Она будет строиться и хорошеть благодаря друзьям, слишком снисходительным ко мне, чтобы ставить под сомнение необходимость жертвовать выходными ради бесплатного труда. Ведь помимо сэндвичей, которые я им предложу, теплого пива и веселья их ждет еще одна награда – погружение в ту реальность, о которой мы толком не имели понятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.